

ПРИГЛАШЕНИЕ К РАЗДУМЬЮ

Виль Липатов. Житие Ванюшки Мурзина, или Любовь в Старо-Короткине.

«Знамя», .№ 8–9, 1978.

В основе повести Вилья Липатова — традиционный «любовный треугольник». Гораздо более неожиданно для читателя название этого произведения. Житие — один из жанров древней литературы, героем которого является праведник либо победоносец. Ни тем, ни другим Ванюшку Мурзина не назовешь. Это просто совестливый крестьянский парень.

Жить бы ему да наслаждаться заложенными в нем богатырскими силами, щедрыми дарами «математической шишки», которой наделила его природа, однако чувство, дарящее обычно людям столько радости, приносит и Ванюшке Мурзину, и его подруге Любе Ненашевой одно лишь горе, ранит их души, подтачивает естественную для обоих с детства неразрывную связь с окружающими людьми. А ведь Ванюшка как будто — заботливый муж и отец, хороший сын. Но любовь (с большой и маленькой буквы) неотступно преследует его...

Если изобразить пресловутый «треугольник» геометрически, то проведенная под острым углом гипотенуза — конечно, Любка, а Иван Мурзин и его жена Настя — два катета, спокойно «перпендикулярные» друг другу.

...Ирония? А как можно, не прибегая к ней, говорить о какой-нибудь липатовской вещи, когда слог писателя, особенно в последние годы, насыщен меткой народной усмешкой? Комические эпизоды уживаются у него с трагичными ситуациями, причем смех и горе сливаются — как в жизни. Сатирическое преувеличение, гротеск, все, что хоть как-то смещает неприкрытую правду бытия, чуждо перу этого автора.

«Житие...» написано будто со слов главного его героя. Все события даются как бы сквозь призму его восприятия. Почти газетная, несобственно-прямая речь, осторожное отношение к диалектизмам (таким назойливым порой у «деревенщиков») создают своеобразную иронию, вызванную искренним желанием Ванюшки казаться современным и культурным. Это — не насмешка, а понимание безликости казенных схем и слов, неспособных выразить глубокие душевные страдания. В нем и заложено самобытное лукавство липатовского стиля. Коллизия повести не нова для нашей прозы. Вспомним хотя бы шолоховский роман или проскуринскую «Судьбу», но там возлюбленная и жена — обе страдают одинаково. В «Житии...» же Страдания выпадают главным образом на долю Ванюшки Мурзина. Его мучают непреодолимые столкновения между долгом и страстью. В какой-то момент побеждает сознание долга, но мысли о Любке не дают покоя...

Настя, ленинградка, директор сельского Дома культуры, воспринимается среди колоритных сибиряков чужеродным элементом, обрисованным к тому же не в очень выразительных топах. Может, здесь и берет свое начало трагедия Ванюшки. Правда, женщины Старо-Короткина,

включая даже мать героя, на стороне законной супруги, но тут скорее — страх перед нарушением» установленного деревенского уклада. Настя, разумеется, страдает из-за измены, мужа, однако особого сочувствия к ней нет: автор сделал ее слишком уж равнодушной. Она словно призвана защитить бедного Ванюшку от его исступленной страсти, а искренности такой искусственной роли трудно поверить.

Подлинное чувство привело Ивана к Насте или желание отомстить Любке, выскочившей замуж за учителя русского языка, местного пиита Марата Смирнова? Скорее — второе. Ванюшка просто бросился к первой попавшейся женщине из-за глубоко ранившего его предательства Любки, дабы показать ей, чего стоит Иван Мурзин. Что же все-таки привлекательно в Любке не только для Ванюшки, но и для читателей? Думается, в первую очередь, ее непосредственность (которой так недостает Насте). Автор обделил Любку интеллектом, но ее природное обаяние покоряет. Душевная борьба, искренность чувств, в известной мере, возвышают эту женщину при всей ее моральной неразборчивости. Обманщица своих мужей, притча во языцех сельских сплетниц, разбивающая чужие семьи, Любка, оказывается, все же верна своей любви. Это предопределяет трагический финал повести: Любка и Ванюшка погибают. Их судьба наводит на размышления о подлинной и мнимой нравственности, о силе истинной и бессилии показной морали.

Много вопросов порождает подобный итог. Внутреннего превосходства Насти над соперницей не чувствуется — а ведь она, казалось бы, по всем статьям права. Автор верит в непреодолимость искреннего чувства — тем не менее, он лишил его нравственной чистоты. В «Житии...» ставятся серьезные социальные и моральные проблемы. Ведь все как будто должно быть благополучно. Но это «как будто» и волнует писателя. В произведении нет готовых рецептов, читателю не навязываются авторские решения. Вопросы, выдвинутые Липатовым в повести, не получают окончательного ответа — автор зовет нас поразмышлять вместе с ним...

Мы говорим по-прежнему — «зовет», ибо живым явлением сегодняшнего дня остаются произведения безвременно скончавшегося писателя.

М. ТАНФИЛЬЕВ.

Нева. 1979. № 9 С. 186-187.